

Иоанн Миролобов

Предисловие к статье Г.С. Чистякова «Старообрядчество и русская культура»

Тема влияния русского старообрядчества на национальную культуру, а через нее и на культуру мировую, представляется до сих пор малоизученной, а поэтому и малоизвестной. Между тем по мере изучения проблемы поднимаются неожиданно глубокие, а вместе с тем и удивительно широкие пласты взаимодействия узкорелигиозной субкультуры, которая, казалось бы, крайне ограничена временем и пространством, с культурой именно мировой, общепонятной и общепринятой. Перед исследователем этого взаимодействия открывается много удивительных и труднообъяснимых фактов, скорее даже тайн, пока не изученных и не раскрытых.

Вниманию читателя «Академических тетрадей» представляется сравнительно небольшая статья, не позволяющая своим объемом вполне удовлетворительно раскрыть обозначенную тему, но интересная тем, что написана старообрядцем, который профессионально занимается взаимодействием наиболее крупного старообрядческого согласия с внешними для этого согласия сообществами. Поэтому представляют интерес попытки обобщений, самоанализа, самоидентификации.

С нашей же точки зрения, культуру старообрядчества и ее взаимодействия с культурой русской и мировой следовало бы изу-

чать, по крайней мере, в трех основных измерениях. Первое измерение — *консервативно-охранительное*. Здесь следует оговориться, что мы не готовы согласиться с автором статьи, что изначально обе стороны церковного конфликта были «полностью идентичны». Феномен русского старообрядчества как раз хорошо описывается культурологическими категориями и представляет в своей сущности реакцию носителей идеологии и ментальности позднего Средневековья на культуру Нового времени, проникающую на Русь с большим опозданием, реакцию традиционного общества, ставящего превыше всего сакральные ценности, реакцию на модерн, на секуляризацию и десемантизацию. Старообрядчество в этой связи оказало неоценимую услугу мировой культуре, может быть, в некотором роде и случайным образом — уж слишком тотально наступал на Русь модерн, уничтожая на своем пути все памятники прошлого. Поэтому без малейшего преувеличения можно сказать, что, если бы не старообрядчество с присущим ему культом старины, сегодня не было бы ни Древлехранилища Института русской литературы РАН, ни музеев русской иконы, ни вообще сколько-нибудь значимых собраний древнего сакрального, да и бытового искусства. Об одном только этом можно написать множество увлекательных книг с однотипными названиями: «Старообрядчество и академик Д.С. Лихачев», «Старообрядчество и основатель Древлехранилища Пушкинского дома Д.И. Малышев», «Старообрядчество и академик Н.Н. Покровский» и т. д.

Впрочем, одним лишь сохранением памятников это измерение не исчерпывается. Старообрядческий протест вынужденно приобрел столь трагические формы. Это не могло не повлиять на появление в среде старообрядчества (и изначально, и впоследствии) людей с необычайно сильными характерами, что всегда привлекало к их образам немало людей творческих (в этом ряду — художники В.И. Суриков и М.В. Нестеров, композитор Р.К. Шедрин и многие другие).

Вторым измерением, в изучении которого требуется еще приложение больших усилий, можно было бы назвать *творческое развитие имманентных старообрядчеству видов сакрального и бытового искусства*. Здесь лучше обстоит дело с бытовым искусством, поскольку в его изучении не было перерывов, хотя на сегодняшний день практически отсутствует ответ на простой, казалось бы, вопрос: почему большинство традиционно известных русских народных художественных промыслов возникло именно в местах

компактного проживания старообрядцев? А ведь возникают и другие вопросы. Например, как влияли на творческий процесс, на развитие промыслов особенности религиозного самосознания старообрядцев?

К настоящему времени имеются добротные исследования в области тех сфер старообрядческого сакрального искусства, которые примыкают к бытовому, — книжная графика, медное литье. Гораздо менее известна современным исследователям иконописная старообрядческая традиция, которую собственно традицией назвать очень трудно, благо эта область сакрального искусства оказалась у старообрядцев вовсе не чужда новаторства, что само по себе уже достойно и изучения, и объяснения. Мы коснулись однажды темы иконописных школ Прибалтики (Академические тетради, вып. 14. М., 2011. С. 86–87), в которых не прерывался творческий процесс и которые смогли возродить традицию русского иконописания в других странах и на других континентах. При отрядном нынешнем интересе к музыкальной медиевистике даже удивительно, что практически нет исследований (кроме этнографических, по технике исполнения) в области старообрядческого сакрального музыкального искусства, хотя специалистам хорошо знакомы иргизские, рижские и множество других, удивительно красивых напевов.

Наконец, третьим измерением, уже по своему названию откровенно парадоксальным, следовало бы назвать *влияние старообрядчества на светскую культуру XIX — начала XX вв.*, то есть времени, когда модерн начинает вытесняться модернизмом, культура нового времени — культурой времени новейшего. Впрочем, правильнее было бы сказать, что это было влияние не старообрядчества, а выходцев из старообрядчества. Однако влияние это было в России настолько велико, что объяснить силу его только случайным стечением обстоятельств (наличие капитала, получение образования в европейских университетах) не представляется возможным, и это требует серьезного и всестороннего изучения. Факт остается фактом; ирония судьбы только в том, что, при радикальном отрицании светской культуры в принципе, старообрядчество в России в это время все больше ее себе подчиняло. Русская культурная жизнь начала прошлого столетия без старообрядческих меценатов просто немыслима, но главное их участие проявлялось не в том, что они просто строили театры, устраивали выставки, издавали художественные журналы, создавали коллекции картин и предметов искусства, а в том, что они

строили прекрасные театры (в том числе и для своих рабочих), устраивали прекрасные выставки, издавали прекрасные журналы, создавали прекрасные коллекции картин, свидетельствующие о подлинно утонченном вкусе. Таким образом, перед нами не сугубо материальное, а творческое участие в культурной жизни. В той самой жизни, которая принципиально, казалось бы, отвергается религиозными убеждениями. При этом важно, что самосознание практически всех старообрядческих меценатов оставалось в русле семейных традиций, все они имели домашние моленные и активно участвовали в церковной жизни, причем, отнюдь не только своими капиталами. Не происходило интеграции в инокультурную среду (как, например, у величайшего русского режиссера и при этом выходца из старообрядческой семьи Алексеевых К.С. Станиславского), а скорее наоборот: создавалась своя культурная среда, к которой тянулись извне люди талантливые и образованные. Эта среда была элитарна по своему духу, а не по социальному положению. Перед исследователем этой среды открывается широкое поле для приложения сил и поиска ответов на многие вопросы.

